

Зонтов кружевное порханье
Над ранними лицами русских умытых -
В пространства воскресного парка бегом
Спешат отдаленные семьи.
Подарок, мой друг, воскресенье!

< 1975 >

3

х х х

Смотри, как листья на березе
Посеребрились от цвиженья
И поле свежее вокруг -
Поднос с серебряной посудой ...

Такая рань еще! В реке,
В тени прохладной дремлет щука,
И самолета ранний звук
С травы росинки отряхает...

< 1975 >

В И К Т О Р К Р И В У Л И Н
(р. 1944)

ЧЕРНИКА

" Земную жизнь пройдя до половины..."
Перевод с итальянского

Земную жизнь пройдя до середины,
споткнулась память. Опрокинулся и замер
лес, погруженный в синеву.

Из опрокинутой корзины
струятся ягоды с туманными глазами,
из глаз скрываются в траву...

Черника - смерть! Твой отсвет голубиный
потерян в россыпях росы, неосязаем
твой привкус сырости, твой призрак наяву.

Но кровоточит мякоть сердцевины -
прилипла к небу, стала голосами,
с какими в памяти раздавленной живу.

Октябрь 1971 t

x x x →

Кто видел ангелов - тот светится и сам,
хотя и светом отраженным...
Кто с ними говорил - пчела замороженно
к его прилепится устам.

Октябрь 1971 t

→ x x x

Этот внутренний дворик,
уворованной жизни краюха...

Кабы в черном скелете-саду не сидела старуха,
не дрожал бы ее подбородок и дождик не стучался б глухо
о пальто ее, ставшее жестким, как тело жука,
не когтила бы кошка у ног ее черную землю -
кабы чуть теплее была этой мусорной смерти река,
что и нас постепенно объемлет...

Кабы так не знобило тебя, не трясло -
этот внутренний дворик
стал бы дом наш и пауза в том разговоре,
где любое из слов выпадает из рук тяжело.

Ноябрь 1971 t

→ x x x

Дети полукультуры,
с улыбкой живем полудетской.

Не о нас ли, сплетаясь, лепные змуры
на домах декадентских поры предсоветской

сплетничают - и лукаво
нам пальчиком тайным грозятся, -
словно дом наш - совсем не жилье, но сплошная забава.
Расползается пышно империя. Празднично гибнет держава.
Камни держатся чудом. Подозрительно окна косятся.

Мы тоже повесим Берцелю
над чугунным, баварской работы
станом грешницы нашей, змеиноволосой пчелы Саломеи,
наполняющей медом граненые комнаты-соты.

Так же пусто и дико
станет в комнатах наших. В подвалах
дома, что на Гороховой, красная брызжет гвоздика,
расплескалась по стенам... И сам губернатор, гляди-ка,
принимает гостей запоздалых.

Милорадович, душка,
генеральским звенит перезвоном
многочисленных листр - или это проезжая пушка
сотрясает и Троицкий мост, и Дворцовый... Церковная
кружка.
На строительство Божьего храма упала копейка с поклоном.

Так помянем усопших
в золотистом и тучном модерне!
Не о них ли в чугунных гирляндах, в усопших
льется мед нашей памяти, мед наш вечерний...
Наших жизней, вчерне пережитых полвека назад,
вьются тайные пчелы - сосут почерневший фасад.

Февраль, 1972 г.

→ ЧАСЫ НИКОЛЬСКОЙ КОЛОКОЛЬНИ

Когда с Никольской колокольни
ударит тонкие часы,
забудешь, Господи, как больно
нас время бьет. Но так чисты
прикосновенья меди к ветру,
и звон, скользящий вдоль канала,
подобен верному объекту
на фильму невискариента малой

подобен верному ответу
на тьму невысказанных жалоб.

Июль, 1972 L

X X X

То скученность, то скука - все тоска.
Что в одиночестве, что в толпах - все едино!
И если выпал звук - изменится ль картина
не мира даже - нашего мирка?

И если ты ушел, Бог ведает в какую
хотя бы сторону - не то, чтобы страну, -
кто вспомнит о тебе так бережно тоскуя,
как берег - по морскому дну?

Обитый пробкой Пруст мне вспомнился намедни,
искатель эха в области пустот,
последний рыцарь памяти последней -
резиновый фонарь он опустил под лед.

Подумать, как черно и холодно, куда
ни обратишь разбухнувшие очи!
Чем движется песок в часах подводной ночи -
одной ли тьмой? одним ли хрустом льда?

Что стоит человек во прахе путешествий
пересыпаемый сквозь горловину сна -
не горсточка ли песка, зачерпнутой со дна
залива, обнажившегося в детстве?

Что стоит человек - течению времен
тончайшая, струящаяся мера?
Согрета ли в руках запаянная сера,
где памяти источник заключен?

)

И если так тепла - чьи пальцы согревали?
чьих - мутный оттиск на стекле? -
Об этом помнил кто-то, но едва ли
я вспомню кто. И как бы ни назвали -
все именем чужим, все в спину, все вослед...

Февраль 1973 /

х х х

Пью вино архаизмов. О солнце, горевшем когда-то,
говорит, заплетаюсь, и бредит язык.
До сих пор на губах моих - красная пена заката,
всюду - отблески зарева, языки сожигаемых книг.
Гибнет каждое слово, но весело гибнет, крылато,
отлетая в объятия Логоса - брата,
от какого огонь изгоняемой жизни возник.

Гибнет каждое слово!

В рощах библиотек
опьянение былого
тяжелит мои веки.

Кто сказал: катакомбы?

В пивные бредем мы аптеки!

И подпольные судьбы

черны, как подземные реки,
маслянисты, как нефть. Окунуть бы
в эту жидкость тебя, человек,
опочивший в гуманнейшем веке!

Как бы ты осветился, покрывшись пернатым огнем!

Пью вино архаизмов. Горю от стыда над страницей:

ино-^нстранца мысль развлекается в мире ином,
иногда оживляя собой отрешенные лица.

До бесчувствия - стыдно сказать - умудряюсь напиться
мертвой буквой ума - до потери в сознании моем
семиграных сверкающих призм очевидца!

В близоруком тумане
в предутренней дымке утрат -
винный камень строений
и заспанных глаз виноград.
Труд похмелья. Похмелье труда.
Угол зрения зыбок и стал переменчив.
Искажающей линзой речи

расплющены сны - города.
Что касается готики - нечем,
нечем видеть пока что ее,
раз утрачена где-то вражда
между светом и тенью,
Наркотическое забытье
называется, кажется, мною!

Дух культуры подпольной, как раннеапостольский свет,
брезжит в окнах, из черных клубится подвалов.
Пью вино архаизмов. Торчу на пирах запоздалых,
но еще впереди - я надеюсь, я верую - нет! -
я хотел бы уверовать в пепел хотя бы, в провалы,
что останутся после - единственный след
от погасшего слова, какое во мне полыхало !

Гибнет голос - живет отголосок.
Щипцы вырывают язык,
он дымится на мокром помосте среди досок,
к сапогам, распластавшись, прилип.
Он шевелится, мертвый, он пьян
ощущением собственной крови...
Пью вино архаизмов, пьянящее внове,
отдающее оцетом оцепенелой любви,
воскрешением ран!

Май, 1973 /

КНИГА В СУМЕРКАХ

И в сумерках, блаженно полуслеп,
со шрифтом неразборчивым сливаясь,

я уходил за буквами вослед,
со мною только звуки оставались.

И комната, как некий долгий "0",
округлив губы, длилась в изумлении
перед упавшей книгой на колени,
так жадно дышащей, лежащей так светло.

Тогда-то наступало время чтения -
я стал предметом тайных перемен:
как стены переходят в тени стен,
черту между собой и собственной тенью

я перешел, усвоивши язык
не камерный и не сиюминутный,
но вечной жизни, движущейся смутно
сквозь сонные тела еще не ставших книг.

Ни жизнь писателя, кто их напишет, нет,
ни жизнь филолога, кто их прочтет когда-то,
но письменность сама, как женщина, разжата
перед усилением тьмы невысказанных лет.

И тайна сумерек есть тайна акта плоти:
удар - и завязь мира из Ничто,
не темного, о нет, скорей, как решето,
сквозящего сквозь ночь, сквозь вой на мертвой ноте!

← Весна, 1973 /

→ х х х

Вечен Бог, творящий праздник
даже смертью своей.
Умирает соучастник,
ученик его страстей.
Но цветами воздух полон.
Между стеблей заплетен
свет с веселым произволом,
с телом гибким и глаголом
жизнью связанных времен!

← 1976 →

КОНСТАНТИН КУЗЬМИНСКИЙ

(р. 1940)

2

из поэмы "ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ"

х х х

1

Сезон осенний. В небе сизом
разрывы туч. Дожди в Алушке.
И ночь. В заброшенной халупке
я пью перцовую. Мой разум
мне говорит, что мозг мой празден,
что я не понят и не признан.
И я молчу. И мчат потоки
по грязным улицам. Карнизы -
как водопады. Кипарисы
стоят, как призраки. В потемки
дома уходят. Слёз потеки
на белой извести. Капризы
погоды южной не представишь.
Как в небо тыкают перстами
неблагодарные потомки,
мой Бог! На берегах Тавриды
им не пристало пить. Кристальны
Киприды выдумки. Так в ритм
стихов - уложатся страданья.
О Боже, множатся рыданья:
разверсты хляби. В черном небе
луны безумное круженье
меж туч. Моление о хлебе
и голубых небес крушенье.
Мой призрак беспокойный, с нами
ничто не должно приключиться.
... Но крест пребудет при ключицах -
бессонницей, Голгофой, снами.

снами

1973

х х х

2

... А в Петербурге небо серо,
в дождях Сенат, и желт Синод,

и сыро. Впрямь ли пахнет сеном
базар на площади Сенной.

... [Азарт и суতোлка улиц,
сутулый день взглянул в окно,
и Достоевский без банкнот
и без штанов идет, сутулясь.

Кто притулился в сквере том?
Там котелок с помятой тульей
сидит на кривоногом стуле,
в тени листая толстый том.

Слетают листья с лип, слипаясь,
в лобую сторону пойдя -
висят над городом дожди,
как тени, с темнотой сливаясьсь.

... [И Гоголь, за угол свернув,
спешит пожечь свои творенья.
Но ты спиши стихотворенье -
оно рассыплется, сверкнув.

Идет ли офицер манерный -
мой нервный стиль ему сродни,
но ты, пожалуйста, сравни
манеж на площади Манежной

с Конногвардейским. Без прикрас,
как ствол, ясны его колонны,
и нарушая все каноны -
идет влюбленный педераст.

Представь себе нагую Мойку,
собор, лосин и лысин лоск
(там нынче верховодит ЛОСХ,
собой заменив помойку).

Мой Бог! Я подниму бокал
за ламп окалину тугую
и за тебя, совсем другую,
и Блока помяну слегка.

По Офицерской. Профиль царский
еще на всаднике неостерт,
но репа в садике растет,
душе подобна пролетарской.

Мой стиль неясен. Знаю сам.
Самсон, остриженный Далилой.
... Нам время (что-то) удалило,
а мы тоскуем по лесам.

И ты, пожалуйста, порви
мои бредовые намеки -
от этих слов, пойми, намокнет
тяжеловесных ваз порфир.

- По рифмам судим мы. С уроном.
Сколь безрассуден мой порыв!
Но ты, пожалуйста, пари
над миром нежным и суровым.

И в Петербурге, где торги,
где по торцам танцуют дроги,
ты парашет рукою трогай
и тихо память береги.

Дожди. Все небо пеленою
затянута. В просветах звуч
мелькает одинокий луч.
И ты опять передо мною...

< [1973] >

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ КАМПАНИЯ 1770-ого ГОДА

не печатать

Колесниц вавилонских вольтером измышленных орды
когда снится на шее румянцева графа фельдмаршальский
орден
когда спицы с серпами срезают под корень неверных
на равнинах исполненных крови и пролитой скверны
как каверны зияют следы неприятельских ядер
и войска пруссаков переходят разлившийся одер
на одре своих дум задремавший пустынный фернейский
смотрят бюсты глазами пустыми на остров форесский
кифаредом воспетый истоптанный берег эллады
где зарыт агаменон в глазах его каменных клады
словно пена небес облака над пустыней крованы
там где руки раскинув упал на камнях миссалонги
тот оболганный лживым кивком головы ипсиланти
на высоком колу у ворот развалившейся трои
эти трое голов отсеченных от шеи атрея
и проливом леандр проплывает там ждет его шиман
и роняет цветы олеандр осыпая лигийские шлемы
и летят колесницы библейских полков соломона
и несмело прижметя зюлейка к груди сулеймана
там где запад восток восстает затмевая акрополь
древний город олега и ольги мой константинополь
и стремятся к нему черны воды евксинского понта
и лежит на тахте отдыхая от подвигов порта

/ 1973 /

4 НОЧЬ НА ЛЫСОЙ ГОРЕ

Возьми в зубы язык повешенного
и на вечерней заре
когда ведьмы ведало в котле помешивают
прилетай к Лысой горе

Все
чур меня, нечистая сила

воплъ удавленниц по полю стелется
голые телеса саваном заслонят небеса
когда корова черным бычком отелится
прилетай и не бойся

чур меня

жабы с грудями женскими голосами поют осиплыми
сыплют кал младенцев в черный котел
варится варево и дрова трещат осиновые
и блудят вилоокие с черным котом

чур меня

змеи сплетутся плюя своим ядом в варево
вбьются старухи их руки вокруг котла
одноглазые мыши летят кутерьмою в зарево
черные буки набухшие кровью куделью кадят

чур меня

ночью на Лысой горе угорая подпрыгивают
возле костра где страх пополам с ядовитой травой
в желтом болоте где жабы ногами подпрыгивают
нетопырь в кутырях заунывный заводит вой

чур меня

варится варево кровью нечистой окрашенное
валят в него черных могильных жуков и пожухлую плоть
черви оплачут и пламя оплавит оранжевое
похоть утопленниц топчущих зачатый плод

чур меня

варится чрево червями изъеденной девственницы
желтые зубы оскалит череп на мертвом лице
когда месяц бесцветный с небес оглядев сдвинется
и петух пропоет о конце

чур меня

когда калом и кровью наполненный котел опрокинется
желтые жабы примут подобье камней
когда сук суковатый рукою отсохшей прикинется
ты прилетишь ко мне

чур меня

БОРИС КУПРИЯНОВ
(р. 1949)

х х х

Горел ли когда под Полтавою швед?
Нам пламени знать не дано.
Угрюмые рюмки, корявый букет,
Дешёвое слишком вино.
На севере так, а на западе нет.
На севере город стоит.
Там сутки давно позабытых карет,
И некто на лавочке спит.

~~1969~~ <1869>
~~1969~~

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Если сердце заслушает, не забываясь, означает
речь громадного мастера яда в рассыпанных искрах стыда,
обязательно тут же сидящая дева заплачет,
зарыдает двуликого Януса та половина и та!

О, двуликий, учи мастерство преступленью.
Золотая середина, вырождая святош по любви,
не годится творящему; любящему для уменья
выживать. Но учивший летать обязательно скажет: плыви!